
О СТАРОМ И НОВОМ В СОВРЕМЕННОМ НАРОДНИКОВЕДЕНИИ

**(Рецензия на сборник
«Народники в истории России:
Межвузовский сборник научных трудов».
Вып. 1. – Воронеж: Изд-во ИСТОКИ, 2013. – 300 с.)**

В.Н. Гинев

В 2013 г. в воронежском издательстве «Истоки» под грифом Воронежского государственного университета вышел межвузовский сборник научных трудов по различным проблемам истории народничества в России. География участников сборника впечатляет: кроме Воронежа, статьи были присланы из Барнаула, Брянска, Когалыма, Курска, Москвы, Нижневартовска, Новокузнецка, Петербурга, Самары, Сургута, Таганрога, Тамбова.

В результате, как написано в предисловии, получился «определенный срез», дающий некоторое представление о том, в чем сейчас тема народничества актуальна для историков. Сборник не имел заранее предусмотренного плана – «проблематику статей предложили сами авторы, ориентируясь на собственные научные интересы». Тем не менее, полученный материал оказалось возможным распределить по четырем тематическим разделам: «Историография народничества», «Общие проблемы истории народничества», «Идеология и практика народничества», «Теоретики народничества и их критики». Почти в каждой статье сборника имеются авторские соображения, заслуживающие внимания, но есть и сквозные исследовательские проблемы, затронутые в ряде статей независимо от их местонахождения в том или ином разделе.

Первой из таких проблем является определение, что такое российское народничество. Наиболее традиционный и, думается, наиболее приемлемый ответ содержится в статье М.Д. Карпачева.

Народничество – это самобытное социалистическое учение, распространившееся в середине XIX в. в новом социальном слое образованных разночинцев и обедневших дворян, базирующееся на убеждении в потенциальной социалистичности русской крестьянской общины. Оно возникло в определенный исторический период как протестная реакция разночинной интеллигенции на начавшуюся капиталистическую модернизацию, несущую народу, прежде всего крестьянам, большие бедствия. Народникам были присущи (в разной степени) «тяга к опрощению» в повседневной жизни, преклонение перед народными моральными устоями, идеализация народа, стремление помочь ему избавиться от экономического и административного гне-

та. Относительно средств помощи народу в народнической среде были существенные разногласия, но они не затрагивали основополагающие признаки народничества.

Казалось бы, все достаточно ясно и определено. Однако, отмечает М.Д. Карпачев, «в последние десятилетия XIX в. контуры понятия “Народничество” стали расплываться» (С. 74). Статьи рецензируемого сборника показывают, что и в современных представлениях о сущности народничества не все так однозначно.

В предисловии к сборнику констатируется как непреложный факт отсутствие «общепризнанной концепции того, что такое народничество». Примером нового подхода к пониманию этого феномена служит т.н. дискурс-анализ, представленный в совместной статье Ф.П. Фурман и Т.Г. Фурман «как одна из возможных новейших методологий изучения народничества» (С. 101).

В данном случае народничество рассматривается как особый дискурсивно-идеологический комплекс, включающий в себя ряд «концептов-мифологем» («народ», «новый человек», «воля», «благо», «дело», «светлое будущее» и т.д.). По существу авторы ведут речь о категориальных основаниях народнической мысли, позволяющих не только осмыслить народничество в качестве социокультурного явления, но открывающих возможности для изучения самой «механики идей», их генерирования, связи идейных комплексов с реальностью и характером ее отражения.

В статье Ю.А. Зеленина «Опыт периодизации истории российского народничества» «основными ценностями народничества» провозглашаются «свобода» («демократический антиэтатизм и федерализм»), «справедливость» («народнический социализм»), «взаимопомощь» («солидарность»), «приоритет мирного эволюционного преобразования общества и государства» (с. 108).

Со своей стороны заметим, что не все перечисленные Ю.А. Зелениным народнические «ценности» являлись общими для народников. К тому же среди этих «ценностей» почему-то впрямую не упоминается крестьянская община. (Для сравнения: без сельской общины «не могла бы возникнуть теория “русского социализма”». Карпачев, С. 77). Ничего не сказано об общенароднической вере в возможность для России миновать стадию капитализма.

Определение народничества теряет без этого свою привязанность к определенному историческому периоду. А такие демократические черты мировоззрения того или иного общественного деятеля XVIII–XXI вв., как эгалитаризм, антиэтатизм, желание помочь народу и т.п. могут принадлежать не обязательно народнику. Возникает сомнение: не является ли искусственным выделение т.н. «протонароднического», а, с другой стороны, «постнеонароднического» этапов становления или в XXI в. – возрождения народнической идеологии? Не двигало ли автором желание во чтобы то ни стало сказать свое «новое слово», и поэтому в «протонародники» зачисляется Радищев, затем к нему прибавляются Пушкин, Гоголь, Лермонтов, Чаадаев и др.? (С. 110).

Что же касается представителей «постнеонародничества», то «продолжателями традиций революционного и левого крыла эволюционного (легального) народничества можно считать в современной России сторонников демократического социализма, анархо-синдикализма и анархо-коммунизма» (С. 123). Конечно, если неизменной сутью народничества считается только «борьба за интересы народа» (С. 123), то в «народники» можно записать очень много демократически настроенных писателей и общественных деятелей.

Идентификация народничества напрямую связана с тем, кого считать родоначальником народнической теории. Ю.А. Зеленин, хотя и пишет, что «современные исследователи» оставляют «в целом приоритет родоначальников народничества... за Герценом и Чернышевским», в то же время полагает, что «проблема выявления основоположника (основоположников) классического народничества в России» стоит «остро» и «остаётся нерешённой до сих пор» (С. 112–113).

По мнению М.Г. Колокольцева, автора статьи «Историография раннего народничества 1860-х гг. (XX век)», вопрос, кто является родоначальником народничества, также ещё «нуждается в дальнейшем изучении» (С. 37). Впрочем, он, наверное, уже решён М.Г. Колокольцевым в 2004 г. в автореферате его кандидатской диссертации, к которому он отсылает читателей (С. 37, 39).

М.Г. Колокольцев ничего не пишет о «протонародническом этапе». Для него «первый этап» истории народничества – это 1860-е гг. В обзоре историографии «раннего народничества», довольно поверхностном, М.Г. Колокольцев даже не упоминает очень важную, переломную для своего времени статью Б.П. Козьмина «Народничество на буржуазно-демократическом этапе освободительного движения в России» (Исторические записки. Т. 65. М., 1959).

После долгих лет навязанного государственной идеологической ортодоксией противопоставления шестидесятников и семидесятников («просветителей» и «народников») было заявлено и доказано, что деятели 1850–1860-х гг. и 1870-х гг. были одновременно и демократами-просветителями и народниками, поскольку и тем, и другим одинаково было присуще отстаивание интересов крестьянства, приверженность к крестьянскому общинному социализму, вера в возможность на основе сельской общины создать в России социалистический строй, предотвратив развитие капитализма (1). Этого, писал Б.П. Козьмин, «вполне достаточно для того, чтобы признать народническую идеологию уже сложившейся во времена Герцена и Чернышевского» (2). Тем самым Б.П. Козьминым решался вопрос и об основоположниках (родоначальниках) народничества.

Конечно, в последующие годы народническая теория развивалась и обогащалась, появились новые теоретики, но наличие двух «краеугольных камней» в мировоззрении общественных деятелей (общинный социализм и вера

в возможность для России миновать стадию капитализма) является обязательным, чтобы причислять их к народникам любых разновидностей.

Еще одной сквозной темой, присутствующей в нескольких статьях сборника, стал анализ историографических дискуссий о причинах появления и усиления народнического радикализма, его историческая и моральная оценка, а также примыкающая проблема народнического террора.

С наибольшей глубиной эти вопросы рассматриваются в статье В.А. Исакова «Сущность российского радикализма второй половины XIX века в историографическом процессе».

Автор осторожен и неоднозначен в своих выводах. С одной стороны, он как будто бы присоединяется к «широкому кругу» исследователей, которые, «за исключением охранителей», признавали «ответственность власти за зарождение, развитие и активность радикализма» (С. 10). Среди причинно-следственных связей, приведших народников к радикализму, В.А. Исаков считает главной неадекватность реакции властей на попытки разночинной молодежи прийти на помощь народу. Но одновременно ему представляется оправданным вывод о взаимной ответственности революционеров («по крайней мере... части вождей») и деспотической власти, поскольку наращивание степени жестокости происходило с обеих сторон (С. 11–12).

Этот тезис кажется нам по крайней мере спорным. Здесь возникает вопрос о равной или неравной степени ответственности. Впрочем, предупреждает В.А. Исаков, не надо торопиться «с финальной оценкой о виновности или исторической правоте. Понять важнее, чем вынести вердикт» (С. 19). С этим нужно согласиться. В чем причина радикализации народнического движения? Ответ В.А. Исакова: «Очевидно, что радикализм прямо пропорционален нерешенности фундаментальных проблем» (С. 12). Статья заканчивается серьезным предупреждением: «Даже смена стратегического курса России не сняла проблем, некогда вызвавших к жизни радикализм» (С. 22).

В.А. Исаков предлагает анализировать отечественную и зарубежную историографию не по отдельности, как это обычно происходит, а «в общем исследовательском потоке», и сам наглядно показывает, как это делается (С. 8). Он положительно отзывается о работах ряда авторов, в которых прослеживается влияние идей Запада (в частности, Бабефа, Бланки) на «тот или иной субъект российского революционного процесса» (С. 15). При этом автор оставляет за скобками сочинения исследователей, безусловно негативно относящихся к революционным народникам и особенно к тактике террора. Не приемлют народовольческий террор как современные историки-охранители (типа А.Н. Боханова), так и исследователи, условно говоря, либерального направления. И если включать первых в серьезный историографический анализ вряд ли уместно, то со вторыми возможна профессиональная дискуссия. О жарких спорах Н.А. Троицкого с А.А. Левандовским, затем с И.Н. Зыряновым и Г.С. Каном напоминает читателю Н.А. Тюкачев. Описав ход «круглого стола» в редакции журнала «Отечественная история» в 1999 г., Н.А. Тю-

качев призвал к адекватному реалистическому освещению освободительного движения в России, к отказу от крайностей «традиционного» и «нигилистического» подходов (С. 57).

Если в статье В.А. Исакова и Н.А. Тюкачева террор был одной из тем, то статья О.Н. Квасова полностью посвящена террористической тенденции в народническом движении во второй половине XIX в.

Автор в хронологическом порядке перечисляет наиболее известные террористические акты, начиная с покушения Д.В. Каракозова 4 апреля 1866 г. и кончая 1 марта 1887 г. Но некоторые положения его выводов не могут не вызвать возражений. О.Н. Квасов считает, что «“террористические эксцессы” 1860–1880-х гг. – это пусть не гладкий, но все же “единый процесс развития одной из форм революционного движения”, “процесс эскалации политического насилия”, постепенный переход “от акций оборонительно-мстительного насилия” “к терроризму регулятивному и наступательному”» (С. 139).

Что означает употребленный О.Н. Квасовым термин «регулятивный» – регулярный, регулируемый или какой-либо еще? И только ли наступательностью отличался террор «Народной воли» от предыдущих «террористических эксцессов»? До сих пор было принято считать, что народовольческий террор качественно отличался от землевольческого и еще более раннего тем, что это был переход от анархизма к политической борьбе за политические свободы и за захват власти с тем, чтобы использовать государственную власть для проведения социальных преобразований. С 1879 г. террористические акты стали не просто мезью, а одним из средств политической борьбы. Именно этот поворот привел к расколу «Земли и Воли». Почему об этом умалчивается в статье О.Н. Квасова? В заключение его «террорологический вывод»: «терроризм способен... на стадии нарастания общественного движения стимулировать рост радикализма в массах» (С. 140). О.Н. Квасов вступает по этому вопросу в спор с Н.А. Троицким, но не приводит ни одного примера роста радикализма в массах в 1880-х гг., тем более простимулированного террором.

Тема народнического террора присутствует и в статье А.Н. Худолеева о революционной теории П.Н. Ткачева. Автор показал эволюцию отношения Ткачева к террору: от отстраненности от этого метода борьбы (1876 г.) к признанию его действенности, но только как одного из средств (1878 г.) и, наконец, к объявлению террора единственным средством освобождения русского человека от страха перед властью (1881 г.) (С. 233). Правда, после этого на следующей странице странным выглядит утверждение, что «Ткачев никогда не был сторонником террора». Неверен тезис о том, что «политический терроризм» «отчетливо наметился» «вместе с появлением “Земли и Воли”» (С. 232). Террористические акты периода «Земли и Воли» не имели политической направленности, это произошло только перед самым возникновением «Народной воли».

Большая часть статьи А.Н. Худолеева посвящена выяснению взглядов П.Н. Ткачева на роль народа и демократической интеллигенции в революции, бланкизму Ткачева, его отношениям с П.Л. Лавровым и М.А. Бакуниным. Автор начинает свою статью с утверждения, что «по сравнению с социально-политическими взглядами Бакунина и Лаврова революционная теория Ткачева изучена недостаточно» (С. 223). О Ткачеве как русском бланкисте написана книга Е.Л. Рудницкой. О ней в статье А.Н. Худолеева не упоминается. Все же было бы интересно узнать, в чем в этой монографии, по мнению Худолеева, недостаточно изучена революционная теория П.Н. Ткачева?

В ряде статей сборника рассматриваются отдельные, важные, но тематически локальные проблемы.

Анализируя взгляды народовольцев на национальный вопрос, Т.В. Цымрина подчеркивает их патриотизм и доказывает, что в первой половине 1880-х гг. они защищали интересы «русского народа» и в их мировоззрении «прослеживается тенденция к национализму» (С. 149, 152). Но во второй половине 1880-х гг., поскольку народовольцы «допустили в свои ряды представителей других народов», «они были вынуждены сочетать патриотизм с интернационализмом» (С. 145, 153). Народовольцы признавали право наций на самоопределение, полагая при этом, что осуществление этого права будет в интересах русской нации. По мнению Т.В. Цымриной, «отделение окраин было бы благом для нашего народа, так как давало возможность направить все силы на внутренне развитие. Народовольцы понимали это» (С. 146).

Особо следует остановиться на том, как автор статьи оценивает положительное отношение части народовольцев к еврейским погромам. Большинство советских историков об этом стыдливо умалчивали или упоминали скороговоркой. Сейчас на эту тему можно писать беспрепятственно, но, полагаю, при этом следует обозначить свою позицию. Т.В. Цымрина приводит две публикации в «Листке Народной воли» (июль 1881 г. и август 1883 г.), написанные Г.Г. Романенко прокламацию к украинскому народу (август 1881 г.) и «внутреннее обозрение» (в № 6 «Народной воли») и еще ссылается на воспоминания И.И. Попова и В.Л. Бурцева. Из этого автором делается вывод: «Большинство народовольцев допускали, что межнациональные конфликты могут послужить толчком к началу революции» (С. 148). Более того – «народовольцы ставили в вину правительству подавление народных выступлений против евреев» (С. 149). Приводится и противоположное мнение – статья В.С. Лебедева в № 8–9 «Народной воли» (февраль 1882 г.), в которой определенно подчеркивалось, что «пользоваться племенной враждой, а тем более раздуть ее – вовсе не входит в наши планы, что мы не сделаем подобного шага, как бы ни была велика от этого временная выгода для партии» (С. 149–150). Но, как считает Т.В. Цымрина, «Лебедев выражал мнение меньшинства народовольцев» (С. 150).

На основании приведенных данных невозможно судить, какой позиции в еврейском вопросе придерживалось большинство членов «Народной во-

ли». Исследователь русской революционно-демократической печати И.С. Вахрушев писал по этому поводу, что внутренне обозрение Г.Г. Романенко «приобрело вовсе скандальный характер. Автор выразил одобрение еврейским погромам, назвав их “чисто народным движением”. “Народной воле” (организации и газете) пришлось потом всячески сглаживать неприятное впечатление, произведенное этим заявлением» (3).

Возможно, статья Лебедева как раз была призвана исправить неблагоприятное впечатление от публикации Романенко. Может быть, и Т.В. Цымириной следовало бы стать на сторону, как она считает, «меньшинства» «Народной воли»?

Отношение к науке и технике в учениях классиков российского анархизма рассматривается в статье П.И. Талерова. Автор, приведя целый ряд высказываний М.А. Бакунина и П.А. Кропоткина, выясняет, что они показали негативную роль научно-технического прогресса для народа в буржуазном обществе и позитивную в обществе бесклассовом. В XX и XXI в. развитие науки и техники привело к облегчению труда, но эксплуатация трудящихся «стала более изощренной» (С. 164). Современные анархисты, подобно английским луддитам начала XIX в., атакуют «техно-индустриальную систему» и игнорируют «по возможности, научно-технические достижения» вместо того, чтобы, согласно рекомендациям классиков российского анархизма, бороться за изменения прав собственности. И это несмотря на то, что исторический пример существует. «По пути такого низложения прав пошли в нашей стране в начале XX в., поставив глобальный социальный эксперимент и создав могучее социалистическое государство» (С. 166).

Включение статьи П.И. Талерова в сборник свидетельствует о похвальной поддержке плюрализма мнений его редакцией.

На примере народнических организаций Тамбовской губернии С.В. Пудовкин анализирует психологические аспекты в деятельности народнических групп в 1870–1890-х гг. Конечно, и раньше было известно о народнических квартирах-коммунах, о неформальных лидерах, о неприятии после Нечаева т.н. «генеральства», затем о преодолении кружковщины и создании организаций с программами и уставами. Но использование автором понятия «субкультура» социальных групп, в данном случае народнических, позволило более целенаправленно изучить этот феномен, сосредоточившись на определении системы ценностей и моделей поведения, индивидуальных и в группах; заслуживает внимания присутствие психологического фактора в анализе поведения индивидуумов и коллективов.

В статье Г.А. Салтык также на местном уровне раскрывается и конкретизируется история взаимоотношений в Центральном Черноземье большевиков и неонародников-эсеров (правых, левых, максималистов), закончившаяся политической, а затем и физической ликвидацией в 1937 г. идейных и политических конкурентов. Поворотным рубежом в отношениях большевиков и левых эсеров автор называет события 6 июля 1918 г., но можно уве-

ренно сказать, что даже если бы и не было прямого антибольшевистского выступления левых эсеров, все равно политический блок левых эсеров и большевиков долго бы не просуществовал ввиду стремления большевиков к однопартийной диктатуре.

Среди многих интересных фактов в статье привлекает внимание выявленное автором негативное отношение руководства правых эсеров к восстанию крестьян в Тамбовской губернии под предводительством А.С. Антонова (С. 195). Заслуживает внимания персональное выявление эсеров Центрального Черноземья, входивших в 1923–1934 гг. в местные отделения Всесоюзного общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев – более ста человек (С. 197).

«Трудовая народно-социалистическая партия в эмиграции (1920–1940 гг.)» – тема статьи А.В. Сыпченко. Это обстоятельное, основанное на архивном материале последовательное хронологическое описание деятельности малочисленных энесовских групп в Берлине, Париже, Праге, затем в Нью-Йорке, направленной на борьбу с большевистским режимом в Советской России – СССР. Все это было бы можно только приветствовать, если бы статья А.В. Сыпченко не представляла сокращенный вариант пятой главы ее монографии «Трудовая народно-социалистическая партия: теория и практика» (Самара, 2004).

О.А. Милевский в статье о раннем периоде революционной деятельности Л.А. Тихомирова также использовал фрагменты из своей густо насыщенной фактическим материалом главы книги «Две жизни Льва Тихомирова» (М., 2011). Но в статье для сборника есть и новый материал: более углубленно анализируются написанные Тихомировым две брошюры для пропаганды в народе – «Сказка о четырех братьях» и «Емельян Пугачев или бунт 1773 года». О.А. Милевский выявляет в них элементы анархизма и, с другой стороны, зачатки государственности в обрисовке будущих общественных порядков.

Сборник «Народники в России» имел бы совсем однобокий «революционный» уклон, если бы не три статьи: Г.Н. Мокшина – о легальном народничестве, Р.А. Арсланова – о видении российской либеральной мыслью будущности России, оттачивающей себя в спорах с мыслью революционно-народнической, и В.В. Блохина – о критике религиозно-идеалистическими философами в 1890-х гг. позитивистских материалистических шестидесятников.

Историографический анализ в статье Г.Н. Мокшина может быть образцом для некоторых участников рецензируемого сборника: это не «обзор» по авторам, а проблемно-хронологическое исследование процесса развития исторической мысли, в данном случае в отношении различных аспектов истории легального реформаторского народничества. Автор подводит итоги «реабилитации» культурничества, т.н. «малых дел», противостояния «политиков» и «культурников» внутри народников-реформаторов. Со знанием дела он предлагает тематику будущих исследований.

Р.А. Арсланов во внешней однозначности теоретического спора революционера и либерала – П.Л. Лаврова и К.Д. Кавелина – увидел глубинную сложность и взаимное проникновение двух мировоззрений и в конечном итоге неизбежный крах обоих течений.

В заключение можно сказать, что, несмотря на довольно многочисленные замечания по отдельным статьям, сборник удался. Не все «современные подходы к осмыслению явления народничества» кажутся убедительными, но все без исключения интересны. Они показывают, над чем сегодня работают «народниковеды» в разных городах страны, какие вопросы их волнуют. Предложенный общезначимый обобщающий термин «народниковедение» с легкой руки ответственного редактора сборника может прижиться, он вполне пригоден для его признания ученым сообществом, а «выпуск 1» сборника пусть будет началом для выпусков второго, третьего и т.д.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Началом противопоставления стала дискуссия 1928 г. в связи со столетним юбилеем Н.Г. Чернышевского. См.: *Гинев В.Н.* «Революционный демократ» Н.Г. Чернышевский и народники: начало противопоставления // Россия в XIX–XX вв. Сборник статей к 70-летию со дня рождения Р.Ш. Ганелина. – СПб., 1998. – С. 23–28.
- (2) Исторические записки. Т. 65. — С. 209.
- (3) *Вахрушев И.С.* Очерки истории русской революционно-демократической печати 1873–1886 годов. – Саратов, 1980. – С. 169.

ABOUT THE OLD AND NEW IN MODERN NARODNIKOVEDENIYE

**(Review of
«Populists in the history of Russia:
the interuniversity collection of scientific works».
Vol. 1. – Voronezh: Publishing house ISTOKY, 2013. – 300 p.)**

V.N. Ginev